Автор не прошел мимо художественного опыта высокой литературы классицизма. Однако основная коллизия классицистических трагедий «переигрывается» в романе, находит новое решение. Не в силах вынести разлуку с любимой, Никанор в который уже раз решает немедленно ехать за Анетой в Варшаву, но вдруг его останавливает мысль: «Ах! Нет! Я умру беззаконно, изменив Монархине своей и отечеству» (II, 21). Показательны его дальнейшие рассуждения: он пытается оправдать свое решение, доказывая себе, что в его поступке нет измены долгу. Автор провозглашает право героя на личную судьбу, на личное счастье — в противовес официальной литературе классицизма, которая нравственно возвышала героя, преодолевающего личные желания во имя общественного блага. Традиционные представления о долге, о подчинении частных интересов общим, по мнению автора романа, «не работают» в изменившихся условиях. В этом и заключается трагедия Никанора: воспитанный на старых правилах, он оказывается «не ко времени», не может приспособиться к жизни, найти выход из ситуаций, которые предлагает ему действительность. Вот почему во второй части герой словно «выпадает» из времени: он постоянно торопится и не успевает. Реплика героя: «Ето кажется мне невероятным, чтобы добродетельми исполненные люди были несчастны» (II, 21), — отражает, как нам кажется, авторские размышления о реальной действительности, в которой — в отличие от официальной литературы — далеко не всегда воздается должное добродетелям и заслугам.

Анализ взаимоотношений человека и мира в романе позволяет уточнить вопрос и о литературной традиции, осваиваемой автором «Несчастного Никанора». На наш взгляд, построение первой части соотносится со схемой античного (греческого) романа, в котором «действие сводится к преодолению внешних превратностей, выражающих власть Судьбы и игру случая»; во второй части улавливается некоторое сходство со средневековым романом, впервые рассматривающим «внутреннюю коллизию <. . .> конфликт „внутреннего“ человека с его социальной „персоной“, с его социальным статусом».[28]

Чем же объясняется такое последовательное влияние? Основной массив переводной литературы в 60—70-е гг. XVIII в. в России составляла «сентиментальная» повесть, возникшая веком раньше во Франции и Испании на основе взаимодействия рыцарского и греческого романов. «Безщастный Флоридор», «Нещастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта», «Несчастные любовники, или Истинные приключения Графа Коминжа» — в этих и в многочисленных им подобных произведениях в меланхолическом тоне рассказывалось о верной целомудренной любви, преодолевающей внешние препятствия. Как и в «Несчастном Никаноре», сюжетообразующим в них является мотив «несчастной

[28] *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 132, 154.